

АКТУАЛЬНІ ПРОБЛЕМИ ЛІНГВІСТИКИ ТА ЛІНГВОКУЛЬТУРОЛОГІЇ

УДК 81' 366'37

И.А. КОЛТУЦКАЯ,
*кандидат филологических наук,
доцент кафедры славянской филологии
Восточноевропейского национального университета имени Леси Украинки
(г. Луцк)*

ОБЪЕКТИВИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА «ДВИЖЕНИЕ» В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОМ МИФОЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ И ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Представлен анализ структурно-функциональных характеристик концепта «движение» в мифологическом и философско-религиозном дискурсах. Основное внимание уделено структуризации семантических компонентов соответствующей леммы движение / рух с учётом её парадигматических и синтагматических связей в русском и украинском языках.

Ключевые слова: концепт, концептуальная и языковая картина мира, смысловой компонент, синтагматические и парадигматические связи.

Образования базовых культурологических концептов в языковой картине мира вызывает сегодня значительный интерес как в лингвистике, так и в ряде смежных гуманитарных дисциплин, поэтому междисциплинарный подход к исследованию отвечает одной из актуальных тенденций в современной науке. Категория «*концепт*» стала сегодня ключевой для значительной части филологических наук – от мифологии до когнитивной лингвистики. Учитывая множество определений концепта, для исследований междисциплинарного направления, которое представляет данная статья, наиболее результативным, на наш взгляд, является обобщенное понимание Ю.С. Степанова, согласно которому *концепт* функционирует как «сгусток культуры в сознании человека, то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек – рядовой, обычный человек, а не «творец культурных ценностей» – сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на неё» [16, с. 41].

Структуру *концепта* образуют три основных смысловых пласта: (1) основной, актуальный признак; (2) дополнительные, «пассивные» признаки, неактуальные, исторические; (3) внутренняя форма, как правило, зафиксированная в словесной форме [16, с. 43].

Концепт *движение* относится к числу базовых языковых универсалий, которые, по утверждению А. Вежбицкой, образуют ядро языка и основу картины мира, предоставляя возможность сопоставления концептуальных систем, закодированных в языке [4]. Вместе с тем концепт *движения*, наряду с другими ключевыми бытийными концептами (*времени, пространства, причины, следствия, вечности*), является одним из самых загадочных и непостижимых для логического анализа.

Это обусловлено, в первую очередь, многоаспектностью исследуемого концепта: переплетением материального (*движение комет, уличное движение, Броуновское движение и т.д.*) и абстрактного компонентов значения; функционированием как понятия нрав-

ственной (*движение души, мысли*), так и социальной сферы (*революционное, стахановское* и т. д.). Смысловый дуализм прослеживается и в видовых разновидностях этого концепта. Так, *движение человека* характеризуется органическим единством «телесного» и «духовного» аспектов: «Любое, даже простейшее материальное действие (*движение* – И.К.) человека имеет духовное основание – намерение, план, внутренний импульс к действию, мотив и т. д.», – отмечает Ю.С. Степанов [16, с. 340–341].

Ведущая роль в формировании концепта *движения* в научно-философском дискурсе принадлежит, безусловно, философам (Архимед, Платон, Аристотель, стоики, Декарт, Гегель и др.) и физикам (Лейбниц, Ньютон, Эйнштейн и др.). На первичном этапе научных взглядов наблюдается единство в философской и естественно-научной трактовке: движение рассматривается как «первичный факт, не нуждающийся в доказательстве» [11, с. 12]. Дарвиновская эволюционная теория ввела категорию *движения* в картину живой природы; В.И. Вернадский рассмотрел понятие *движения* в контексте симметрии всего живого, придав ему значение биологического вектора. Вместе с идеей И. Канта о постоянной изменчивости солнечной системы фактор эволюционного движения проникает во все теории неорганического мира, астрономию и палеонтологию. Чрезвычайно плодотворным стал философско-антропологический подход М. Хайдеггера, Э. Гуссерля, А. Бергсона и др., апеллирующий к особенностям переживаний и восприятия переживаемого явления конкретной личностью, породивший аксиологическое осмысление культурологических концептов.

На фоне относительной полноты и относительно высокой степени исследования *движения* в философии и естествознании, можно утверждать, что изучение концепта *движения* как лингвокультурологической бытийной категории пребывает в начальной стадии.

Отражение наивного языкового сознания в картине мира представлено в исследованиях Ю.Д. Апресяна, Е.С. Яковлевой, И.Б. Левонтиной, А.Д. Шмелёва и др. Структурированную картину мира в рамках культурологического подхода посвящены работы В.В. Иванова, В.Н. Топорова, В.В. Колесова, С.М. Толстой и др. Языковая картина мира в зеркале метафоры и фразеологии исследуется в работах В.Н. Телия, Н.Д. Арутюновой, В.А. Масловой и др. Для когнитивной лингвистики сегодня чрезвычайно важным является исследование закономерностей как первичной концептуализации культурологических понятий в языковой картине мира, так и эволюционных процессов в семантической структуре концептов. Проблема мировосприятия изучается в контексте реконструкции структуры архаического коллективного сознания преимущественно на материале мифологии и фольклора.

Категория «языковой картины мира» представлена в современных исследованиях, например у Л.А. Лисиченко, как «характер отображения в языке концептуальной картины мира и языковое выражение знаний о ней» [8, с. 38]. Совокупность предшествующих этому отображению первичных психологических реакций образуют «доязыковую картину». Эволюция знаний о мире в системе «доязыковая» – «концептуальная» – «языковая» картины мира происходит в соответствующей последовательности как в одном, так и в противоположном направлении. Семантика слова в этом контексте является важнейшей когнитивной структурой, базирующейся на концептуальной основе и усложненной, с одной стороны, динамикой соответственного концепта в языковом сознании носителей, с другой – внутренними синтагматическими и парадигматическими связями соответствующей лексики в структуре языковой системы.

Первичная концептуализация бытийных представлений происходит в контексте взаимодействия в архаическом сознании различных знаний: наивно-мифологического, формирующегося на базе практического опыта, религиозного, базирующегося на приоритете духовного начала мира, и языкового, воплощенного во внутренней форме слова.

Несмотря на чрезвычайную аморфность иконического оформления абстрактных бытийных концептов в славянской мифологии (в отличие от греко-римской), идея движения воплощена как в целом ряде персонифицированных культов славянской мифологии, так и в сказочных образах (*ковёр-самолёт, сапоги-скороходы, сивка-бурка* и др.). Многочисленные божества: *Авсень (Овсень, Говсень, Таусень)*, катящий солнечное колесо и приводящий утро и весну, *Белобог* приносящий тепло, *Велес*, приводящий дожди, *Девы суденыцы*, беспрестанно раскручивающие нить жизни, и др. [15, с. 21–31, с. 81] – сливаются в вечный стремительный круговорот жизни. Мифологическая персонификация идеи *движения* неразрывно связана с жизненно необходимыми реалиями: *движением небесных светил*,

сменой времен года и суток, полевыми работами и охотой, возрастными и физиологическими изменениями здоровья человека.

На этом эволюционном этапе происходит формирование архаической символики. Раскрывая онтологическую природу символизации в мифологическом сознании, Э. Нойман отмечает: «Процесс осознания заключается в том, что вокруг объекта группируются символы, ограничивающие и описывающие неизвестное с различных сторон. Каждый символ раскрывает определённую особенность предмета, предложенную для понимания, указывает на определённую грань его значения» [12, с. 24]. Рамки нашей работы позволяют рассмотреть лишь наиболее общие символы восточнославянской культурной традиции, существующие в ней на уровне мифов, общих понятий и архетипов. Архетип понимается нами, вслед за К.Г. Юнгом, как генетически фиксированные древние образы и идеи, являющиеся достоянием «коллективного бессознательного», – это бессознательные устремления, изначальные образы, повторяющиеся в виде мотивов.

Идея *движения* в мировой культуре воплощена в многозначных архетипических символах *круга (колеса, Уробороса, венка, хоровода и т. д.), дерева, горы, огня, воздуха (ветра)* и др., – представленных в широких парадигмах фольклорных мотивов и образов. При этом в восточнославянской традиции исключительное место среди этих символических архетипов принадлежит *воде* и производным – *рекам, озерам, колодцам, питью, омовению* и т. д. Реки у древних славян были объектом поклонения и служили местом проведения многочисленных обрядов. Разнообразные варианты – *реки с живой и мёртвой водой, молочные и огненные, жизни и забвения* – служат воплощению инвариативного образа реки как символа *передвижения в иной мир или перехода в иную ипостась* [19, с. 446].

Архетипические символы *воды и огня* в восточнославянской мифологической картине мира, являющиеся прежде всего воплощением идеи *жизни*, характеризуются наличием смыслового компонента (в дальнейшем – СК) *скорости, быстроты движения*. Заметим, что данные СК входят в значительное количество других бытийных концептов, в частности, этических и рациональных. Так, слова *восхищение* (укр. *захоплення*), *достижение* (укр. *досягнення*) и др. этимологически связаны со значением *быстрого захвата, стремительного преследования, охоты* и т. д. СК *быстроты и скорости* объективизируются в целом ряде фразеологических оборотов с позитивной стилистической маркировкой: *с быстротой молнии (ветра, вихря), быстр на ногу, быстрые руки, быстр в работе (делах), быстрый ум (разум)* (укр. *бистрий на розум, слово*), *быстрый взгляд (взор)* [17, 1, с. 93], *скор на руку, до скорого свидания, скорая помощь* [17, 2, с. 352], *стремиться душой, сердцем, стремить полёт (шаг)* [17, 2, с. 460] и др., – напротив, выражения *медленным шагом, медленной стопой* и др. несут негативный оттенок значения: *Как тяжко медленной стопой Выходить на чуждые ступени (А. Пушкин)*.

А.А. Потенбя писал: «От огня и света исходят красота и любовь; От того же огня и света идут сила, ловкость, ум, но только через представление *быстроты* (выделено нами – И.К.) [14, с. 318]. Н. Гоголь в «Мертвых душах» восклицает: «Какой же русский не любит быстрой езды? Его ли душе, стремящейся закружиться, загуляться, сказать иногда: чёрт победи всё! Его ли душе не любить её?..».

Органическая связь *движения со скоростью*, быстротой иллюстрируется современными синтагматическими связями соответствующей лексики. Так, слово *движение* в значении «физического явления» чаще всего сочетается в русском языке с определениями *вечное, постоянное, непрерывное, быстрое, стремительное*, в значении «действие человека» – с определениями *быстрое, стремительное, сильное энергичное* и т.д. [6, с. 121]. Н.О. Лосский связывает стремление к скорости со страстностью, максимализмом и экстремизмом, присущими русскому характеру в целом [9, с. 74–75.]. Известный историк России Ключевский утверждал связь этнического характера с климатическими особенностями проживания и труда: «В одном уверен великоросс – что надобно дорожить ясным летним рабочим днём, что природа отпускает ему мало удобного времени для земледельческого труда и что короткое великорусское лето умеет ещё укорачиваться безвременным неожиданным ненастьем. Это заставляет великорусского крестьянина спешить, усиленно работать, чтобы сделать много за короткое время...» [Цит. по 9, с. 82–83.]. Влияние климата и территории проживания на формирование этнического характера не вызывает сомнения, одна-

ко это не является единственным фактором народной ментальности. Н.О. Лосский утверждает, что территория и климат – это всего лишь фон для проявления свободы воли. В русской ментальности представлены и ленность, и пассивность, превосходно воплощенные в «обломовщине» [9, с. 84–85]. «Лбом стены не прошибешь»; «Плетью обуха не перешибешь», – гласят русские поговорки. Хотя и в этой внешней пассивности можно увидеть и глубокие мировоззренческие корни, сформировавшиеся в мифологическом сознании.

В архаических идеях *начала* мира, культа *предков* и старейшин, в осознании жизни человека как *пути* от *начала* до конца представлен базовый смысловой компонент концепта *движения* – обязательность начальной *точки отсчета движения*, *духовного исхода*, порождающего и обуславливающего движение. Объективизация этого СК ощутима в ряде русских фразеологических клише: *приходить/прийти в движение, приводить/привести в движение, быть/находиться в движении* [17, 1, с. 308], где *движение* представляется внешним по отношению к субъекту состоянием, в которое можно *прийти* или *привести*. Максимального уровня эта объективизация достигает в евангельском фразеологизме *чающие движения воды (устар.)* – «ожидающие выздоровления, исцеления или какого-нибудь улучшения, облегчения (от евангельской притчи о Силоамской купели в Иерусалиме, к которой якобы стекались больные и калеки и ждали, когда в неё войдет ангел и возмутит воду)» [17, 2, с. 739].

Присутствие СК *духовного начала* движения подтверждается и данными грамматики, хранящей, как известно, архаичные прототипы. Анализируя трёхфазовую модель балтославянских глаголов группы «движения человеческого тела», Ю.С. Степанов пишет: «В свете того, что человек и его тело производят специфические, только им свойственные действия («садиться», «ложиться», «вставать»), можно объяснить одну особенность протоиндоевропейской грамматики...: явное родство флексий глагола действия в «среднем залоге» (медия) и в перфекте, категории состояния .... Предложенное нами объяснение заключается в следующем: переkreщивание двух рядов флексий имело место первоначально в указанной группе глаголов, обозначающих движение человеческого тела; в этой группе глагол действия (это глагол, спрягающийся по парадигме медиа, поскольку он означает действие человека и действие человека для себя – основные семантические признаки медиа) означает человека как «тело и дух» неразрывно, как инициатора действия; глагол же состояния, спрягающийся по парадигме перфекта, означает состояние, точнее – положение, только «тела» человека: человек как «тело и дух» заставляет принять определённую позу «тело человека»; поэтому глагол, соответствующий результату этого процесса, состоянию «сидения», «лежания», «стояния» должен быть в перфекте, но иметь общий показатель с глаголом, обозначающим само действие – «сажать себя, садиться», «класть себя, ложиться», «ставить себя, вставать», – этой общности и соответствует общность флексий» [16, с. 359–360].

Сопоставляя грамматический строй русского и английского языков в целом, А. Вежицкая отметила, что «русская грамматика изобилует конструкциями, в которых действительный мир предстаёт как противопоставленный человеческим желаниям и волевым устремлениям или как, по крайней мере, независимый от них» [4, с. 70–71]. Это подтверждается частотностью синтаксических элементов, в которых субъект выражен дательным падежом (*ему не спалось, не гулялось, не сидится, не пишется* и т. д.), инфинитивных конструкций без модальных слов (*Не догнать тебе бешеной тройки* (Некрасов)), обилием безличных предложений (*Его отнесло течением, переехало трамваем* и т. д.). Конкретные явления (*течение* и *трамвай*) представлены при этом как репрезентанты какой-то неведомой и непостижимой силы. СК «бесконтрольность движения» присутствует в группе глаголов со значением невольности (*оступиться, споткнуться, ошибиться, ушибиться* и др.), а также в использовании паритивов – соматизмов в качестве субъекта действия (*ноги несут, руки не держат, кровь бросилась в лицо* и т.д.). А. Вежицкая считает, что природу этих грамматических явлений обуславливает значимая для русской ментальности имплицитная категория «неконтролируемости» движения субъектом, которая интерпретируется как реализация свойственных русскому национальному характеру иррациональности и отсутствия ответственности за происходящее [4].

Первичное состояние духа этноса, выражение мировоззренческих праоснов языкового сознания выражается во внутренней форме слова. Русский глагол *двигать* – «пере-

мещать по горизонтали, толкая или таща», «приводить в движение», перен. «содействовать подъёму, развитию» восходит к праславянскому корню *dvigati – «поднимать» (ср. болг. *дигам* – «поднимаю», схв. *дигнути* – «поднять», чеш. *zdvigati* – «поднимать»). Согласно этимологическим данным, праславянский глагольный корень образован от основы индоевр. существительного *dvigъ, восходящего к корню *duig-os, производного от *dvuo – «два», имевшего значение «рассоха», «разветвленная палка». Таким образом, глагол *dvigati первоначально имел значение «поднимать с помощью разветвленной ветки, палки», т.е. «двигать вверх». Впоследствии семантическая структура глагола *двигать* подверглась семантической транспозиции («двигать вверх» – «двигать горизонтально») и затем – генерализации («двигать горизонтально» – «двигать вообще», «приводить в движение»). От существительного *двигъ* «развилка» был образован глагол *движити*, утраченный в современном русском языке, но давший производные *движимый*, *движимость* «движимое имущество» [18, с. 101–102].

Укр. *рушати* «начать движение», «тронуть» восходит к праславянскому *rusiti – «двигать, разрушать» (ср. польск. *ruszyc* «двигать», схв. *рушити* «разрушать»). В русских диалектах *рушать* – «нарушать» и «делить, кроить, резать». В словаре В. Даля находим иллюстрации: *Рушать хлеб, пирог, жаркое. Рушать крупу* – драть, молот, дробить, откуда и *рушалка* – крупчатка, круподирня, крупорушка. *Изрушать говядину* – крошить для подачи [5, с. 571]. Праславянское существительное *ruhъ, в свою очередь восходящее к индоевропейскому корню *rou («рыть, копать, отбрасывать в стороны» – «сдвигать с места» – «двигать, разрушать»), дало в русском языке производные *нарушить* («прервать»), *обрушить* («заставить упасть»), *рушиться* («разваливаться, падать»), *рухнуть* («упасть, распасться на части») и др. [18, с. 363]. У В. Даля читаем: «РУХ – общая тревога, беспокойство, движение, когда народ сильно о чем-то заговорит или зашевелится. Как поляк опять поднялся было, так по всей земле русской рух пошел. Рух – набат, тревога, сполох, подъём» [5, с. 571].

Таким образом, внутренняя форма лексем *движение/рух* характеризуется наличием дифференцирующих СК, соответственно, позитивно и негативно окрашенным оценочным компонентом значения, во многом обуславливающих современные синтагматические и парадигматические связи этих лексем в структуре языка. Так, русские фразеологические обороты *горы двигать, любовь движет (кем-то), двигать пером (резцом, кистью), двигать по служебной лестнице, двигать вперед, двигать науку, двигаться вперед, двигаться по служебной лестнице, дело двигается* и др. [17,1, с. 307–308] характеризуются наличием интегрального СК «созидательности, поступательности». Для украинских фразеологизмов с компонентом *рушити* показательна частотность отрицательных частиц: *ані руш!*, *вусом ні рушити, не рушити з місця, пальцем не рушити* [2, с. 362]. Парадигматика синонимического ряда *двигать – подвигать – продвигать – развивать* [1, с. 116], антонимических пар *движение-неподвижность, движение-застой* [10, 96–92] также объективизирует в концепте *движения* СК «прогрессивных изменений»: «Неподвижность – это уважение, уважение к небу и земле. **Неподвижность** – тайное **движение** внутрь себя и значит, что к себе», – писал Е. Евтушенко. А у А. Чехова в «Палате №6» читаем: «Судя по всему в наших столицах нет умственного **застоя**, есть **движение**» [цит. по 10, с. 96–92].

Таким образом, первичная концептуализация идеи *движения* в восточнославянской языковой картине мира, формирующаяся на базе архетипических смысловых составляющих, представлена следующей смысловой парадигмой: *движение* – это *временные изменения жизни, скорость, духовная сила, непостижимая для человека*. В результате взаимодействия этих СК, концепт *движение* объективируется как выражение *основного жизненного закона*. Такое понимание пронизывающее всю европейскую культуру, прекрасно отражено у А.И. Куприна: «Над жизнью, то есть над миллионами сцепившихся случаев, господствует – я в этом твердо уверен – непреложный закон. Всё проходит и опять возвращается, рождается из малого, из ничего, разгорается, мучит, радует, доходит до вершины и падает вниз, и опять приходит, и опять, и опять, точно обвиваясь спирально вокруг бега времени. А этот спиральный путь, сделав в свою очередь многолетний оборот, возвращается назад и проходит над прежним местом и делает новый завиток – спираль спиралей... И так без конца» [7, с. 257–258].

Список использованных источников

1. Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка / З.Е. Александрова. – М.: Русский язык, 1975. – 600 с.
2. Білоноженко В. Фразеологічний словник української мови / В.М. Білоноженко, В. Вінник, І. Гнатюк. – В 2 т. – Кн. 2. – К.: Наук. думка, 1993. – 928 с.
3. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов / А. Вежбицкая. – М.: Языки славянских культур, 2001. – 288 с.
4. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. – М.: Языки славянских культур, 1997. – 345 с.
5. Даль В.И. Толковый словарь русского языка. Современная версия / В.И. Даль. – М.: Эксмо-пресс, 2001. – 735 с.
6. Денисова П.Н. Словарь сочетаемости слов в русском языке / П.Н. Денисова, В.С. Морковкина. – М.: Русский язык, 1983. – 685 с.
7. Куприн А.И. Молитва господня / А.И. Куприн. – М.: ДАРЪ, 2005. – С. 256–270.
8. Лисиченко Л.А. Структура мовної картини світу / Л.А. Лисиченко // Мовознавство. – 2004. – № 5–6. – С. 36–41.
9. Лосский Н.О. Характер русского народа / Н.О. Лосский. – М.: ДАРЪ, 2005. – 335 с.
10. Львов М.Р. Словарь антонимов русского языка / М.Р. Львов. – М.: Русский язык, 1985. – 382 с.
11. Михеева Л.Н. Время как культурологическая категория: учебн. пос. / Л.Н. Михеева. – М.: Флинта; Наука, 2006. – 96 с.
12. Нойман Э. Происхождение и развитие сознания / Э. Нойман. – М.: Наука, 1998. – 464 с.
13. Платон. Собрание сочинений. В 4 т. / Платон. – М.: Наука, 1994. – Т. 3. – 568 с.
14. Потеня А.А. Слово и миф / А.А. Потеня. – М.: Правда, 1989. – 620 с.
15. Славянская мифология: Словарь-справочник. – М.: Наука, 1998. – 317 с.
16. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры / Ю.С. Степанов. – М.: Академический проект, 2004. – 992 с.
17. Фразеологический словарь современного русского литературного языка: В 2-х т. / под ред. А.Н. Тихонова. – М.: Флинта; Наука, 2004. – 832 с.
18. Цыганенко Г.П. Этимологический словарь русского языка / Г.П. Цыганенко. – К.: Радянська школа, 1989. – 511 с.
19. Шапарова Н.С. Краткая энциклопедия славянской мифологии / Н.С. Шапарова. – М.: Наука, 2001. – 623 с.

У статті дано аналіз структурно-функціональних характеристик концепту «рух» у міфологічному та філософсько-релігійному дискурсах. Особливу увагу приділено структуризації семантичних компонентів відповідної лексеми движение / рух, зважаючи на її парадигматичні та синтагматичні зв'язки в російській та українській мовах.

Ключові слова: концепт, концептуальна та мовна картина світу, смисловий компонент, синтагматичні та парадигматичні зв'язки.

The analysis of structurally functional characteristics of «movement» concept in mythological and philosophical-religious discourses is presented. The basic attention is given to structurization of semantic components of an appropriating lexeme movement in view of its paradigmatic and syntagmatic communications in Russian and a Ukrainian languages.

Key words: concept, a conceptual and language picture of the world, a semantic component, syntagmatic and paradigmatic communications.

Одержано 14.05.2014.